

*Пионеры-
герои*

А. ГОЛЕНКОВА
Д. ИОХИМОВИЧ

**Ки́ря
БАЕВ**

В один из вечеров перед командиром партизанского отряда Игнатием Грозовым появился паренёк из сибирского села Поперечно-го Киря Баев. Грозов сидел у стола, неторопливо закуривал.

— Вот! От отца, Баева Осипа Михайловича.— Киря чётким движением подал письмо, вытянул руки по швам и застыл, как солдат, по команде «смирно».

Пока Грозов вскрывал и читал письмо, Киря разглядывал командира.

«Так вот он какой, Грозов-то! Высокий, плечистый. Синие глаза под тёмными бровями смотрят строго».

Киря пошевелился, теснее сдвинув каблуки, и дрогнувшим голосом сказал:

— Товарищ командир!.. Можно остаться у вас... в отряде...

— Партизанить хочешь?—командир посмотрел ему прямо в глаза.—Мы берём самых смелых...

— А я что? Я не трус! Вы только примите. Сами увидите — сгложусь. Разведчиком. Маленькому в разведке лучше. Где хочешь пройду...

Лицо командира было серьёзно, только в синих глазах притаилась усмешечка.

Кирия заметил усмешечку и обиделся. Не верит.

Только собрался Кирия сказать это, как Громов вдруг спросил:

— Отец твой самогонку достаёт, с беляками гулеванит.

— Знаю,— Кирия опустил глаза.— Его били! Силком заставляют прислуживать.

— Значит, тебя побьют, и ты к белякам уйдёшь?

— Не уйду! — крикнул Кирия.

— Время сейчас такое: отец в белых, сын в красных,— задумчиво сказал Громов.— Тебе ежели так придётся — не трусишь?

— Не струшу. Возьмите.

Когда Кирия выехал от Громова, в ушах всё ещё раздавались слова: «Возьмём. Только помни! партизанить — не в бабки играть. Это дело трудное, не ребячье. К белякам попадёшь — изувечат, а скорее — голову снесут. Подумай хорошенько...»

Нет, раздумывать Киря не собирался. Над чем? Теперь только радоваться: приняли! Но и радость омрачалась сомнением: кто же его отец и брат? Неужели враги?

Киря хлестал, торопил коня, скорее, скорее. Замирая, думал: «Приеду и скажу: с белыми вы или нет?»

И вот он дома.

— Отвёз? — спросил отец, приглядываясь к нему.

— Отвёз,— ответил Киря.

И вдруг, вперив в отца такой взгляд, которым, казалось, хотел просверлить его, тихо спросил:

— Тятя! Вы с Авдеем за белых или за красных?

Спросил и замер.

Отец посмотрел на него этак вприщур, насмешливо протянул:

— Че-го? Что такое? — и неожиданно обратился всё в шутку: — Что за спрос?

— Мне знать надо! С кем вы?

Отец вдруг позвал:

— Авдей! Э, Авдей! Гляди-ка! Допрос учинил: с кем мы, с белыми или с красными?

— Вы мне зубы не заговаривайте! — подскочил Киря к брату. — За кого вы? За советскую власть или за белых?

— Тю, дурачок! — примирительно проговорил Авдей. — Мы ни за тех, ни за других.

— А белых самогонкой угощаете? А развлекаете их? Или так, для виду?

— Для чего тебе — за кого мы? — спросил Осип Михайлович.

— Так... — уклончиво ответил Киря. — Разговор был с Громовым.

Отец с братом загадочно переглянулись. И неожиданно отец посоветовал:

— Ты не у нас пытай, у Громова спроси...

В один из вечеров, когда Киря был в отряде, он рассказал Громову о разговоре с отцом и братом Авдеем.

Громов, сдержав улыбку, ответил:

— Отцу доверяй, как мне. Авдею тоже. Помогай им за беляками лучше ухаживать. А то, говорят, сидишь в хате, как пузырь надутый, и глазами всех съесть хочешь... — Громов засмеялся. — А их, беляков-то, глазами не съешь. Зубы нужны...

Осип Михайлович Баев занимался хозяйством во дворе и косил глазом в сторону кулацкой избы, где ещё с зимы находились колчаковцы. Наверх поднимался зотовский приказчик Николай Уханов.

«Недаром эта подлая лиса к офицеру зачастила», — подумал Баев.

Вскоре Уханов вышел, но не один, а с прапорщиком Княевым; они, оживлённо разговаривая, пересекли улицу и скрылись во дворе кулака Зотова.

Прапорщик вернулся от Зотовых уже к вечеру и приказал Баеву приготовить пару коней для поездки в город Камень.

Осип Михайлович проводил Княева наверх и степенно, с полупоклоном, пригласил:

— Милости просим с нами хлеба-соли отве-
дать, на дорожку заправиться.

— Я сыт. Не хочу, — ответил прапорщик, надевая перед зеркалом фуражку. — А впрочем, перед дорогой не помешает.

Прапорщик Княев был новым человеком в Поперечном. Он занял место поручика Воронова и гордился этим. «Прапор», как его звал Киря, был молод, на его плечах блестели свеженькие погоны — он недавно получил офицерский чин. Но дела по службе шли у Княева неважно, и он всё время ходил мрачный.

Однажды начальник каменской контрразведки Анжелик презрительно заметил ему:

— Дела из рук вон плохо. Партизан не нащупали, а усы отпустили. Смотрите, не потеряйте их вместе с головой,

Осип Михайлович быстро раскусил прапора: любит деньги, водочку...

Сегодня, наблюдая за ним, Осип Михайлович заметил его необычное веселье. Это могло означать лишь одно—успех в делах. Он решил узнать, что затеял колчаковец.

В горнице, куда они вошли, в углу, сидел Киря и читал старую, затрёпанную книжку.

На столе уже стоял самогон, тарелки с салом, огурцами, солёными грибами и другой снедью.

Хозяин предложил выпить «за добрый путь». Офицер нехотя выпил, потом, шумно выдохнув, неожиданно сказал:

— Подорожало нынче всё в Камне.

Баев сочувственно качнул головой и промолвил:

— Не беспокойся, ваше благородие, я дам денег. В городе пригодятся.

Выпив залпом второй стаканчик, офицер повернулся к Осипу Михайловичу и, старательно выговаривая слова, спросил:

— А л-лошади где? У меня с-срочное дело...

— Э, ваше благородие! — ласково усмехнулся Осип Михайлович. — Дело не волк — в лес не убежит. Я за деньгами послал к куме, скоро принесут. А пока давай ещё выпьем.

— Н-нет... Погоди... — еле шевелил тот язы-

ком,— у меня с-срочное. Пан Анжелик рассердится.

Осип Михайлович так и застыл со стаканом в руке. Сохраняя почтительную позу, он сдерживал дыхание, чтоб не пропустить ни одного слова.

Оказывается, этот подлец торопится прямо к начальнику контрразведки! Значит, не ошибся Осип Баев, угадал — враг что-то замышляет.

— Успеешь и к нему,— наконец, выговорил Осип Михайлович.— Пей! — И он почти силком влил в офицера ещё стакан самогону.

В голове Баева быстро созрел план: «Надо скорей к нашим. Пусть ждут на дорге. Если быстро сообщить, то перехватить успеют».

— Ваше благородие,—продолжал Баев,—на дворе ночь. Ехать боязно. Тут, бают, партизаны кругом шляются. А ты, видать, важные дела ве-зёшь?..

— П-правильно, старик, важ-ные. Тут.

Он выразительно похлопал по карману.

Кирия почувствовал, как от горла внутрь покатился холодок. На секунду взгляды отца и сына скрестились.

Его благородие спал уже мертвецким сном.

Кирия привернул фитиль лампы и спросил отца:

— Наверх понесём?

— Нет. Давай-ка поглядим, что у него спрятано.

Они достали из внутреннего кармана прапора плотный конверт и, осторожно распечатав его, обнаружили несколько листов бумаги, исписанной аккуратным бисерным почерком.

— Зотовского приказчика Уханова рука,— заметил Баев.

На листках был почти полный список жителей Поперечного. Против многих фамилий стояли пометки: «большевик—расстрелять», «брат в партизанах — расстрелять...»

— Киря,— твёрдо произнёс Осип Михайлович,— скажи к Громову и скажи, чтобы встречали у лесочка. Им там рукой подать.

В глухую полночь Кирилл прискакал к партизанам в Северный бор.

Привязывая к дереву запаленного коня, Кирилл увидел около большого костра несколько человек. Они сидели на земле и слушали командира.

Громов в накинутаой на плечи кожаной тулупке стоял в центре круга.

— Вы знаете, что на нашу родину лезут интервенты: американцы, английские, японские, французские, немецкие... берут в кольцо. Они

верховодят русской белогвардейщиной. Цель у них одна: загубить молодую Советскую республику. Она им, словно нож в горло. Потому что их трудовой народ, глядя на нас, тоже может у себя революцию сделать! Надо хорошо каждому соображать, за какое дело сейчас бьёмся. Можно сказать так: за мировую революцию, с мировым врагом трудового народа бороться приходится! Со всего света тянутся поганые руки к сердцу Советской власти. Но не выйдет это дело!

— Не выйдет! — раздались голоса.

Петя Нечаев, которому Киря рассказал о событиях в Поперечном, протиснулся сквозь толпу и тронул Громова за рукав.

— Чего тебе? — оборачиваясь, спросил командир.

— Кирилл из Поперечного...

Совсем рассвело, когда Осип Михайлович и офицер подъехали к леску.

— Сто-ой! — раздался грозный окрик. Из-под уклона выскочили партизаны.

— Дрыхнешь, ваше благородие? Партизаны! — скрывая торжествующую улыбку, гудел Осип Михайлович и богатырской ручищей встряхивал за шиворот пассажира.

Пока тот приходил в себя, их обоих раздели, офицеру скрутили руки. Осипа Михайловича в одном белье усадили обратно в телегу. Он, глядя вслед офицеру, которого уводили партизаны, с ненавистью проговорил:

— Вот тебе, списки, гадюка!

Всё было сделано по-партизански — быстро и чётко.

По широкой улице большого села скорой рысцей едет Киря.

Над высоким домом, где разместился партизанский штаб, трепещет красный флаг! Во дворе — десятка три засёдланных лошадей. В штабе полно народу.

Громов в чёрном матросском бушлате, через плечо — портупея. На боку — маузер. Отдаёт распоряжения, и все отвечают по-военному коротко: «Есть!»

Громов быстро написал ответ, запечатал и со словами: «Это — отцу», — протянул Кире. Потом провёл его в соседнюю комнату и приказал человеку, писавшему за столом:

— Дай этому парню, — он кивнул на Кирю, — полсотни листовок. — И снова обратился к связному: — Отсюда поедешь в Подветренно-Теле-

утское. Десяток листовок оставишь там, остальные — отцу...

На крыльце Киря столкнулся с Андреем, своим дружкойм.

Киря торопился. Андрей проводил его за село и, притворяясь безразличным, обронил:

— Куда торопишься? Успеешь,—и вынул часы. Помедлил, разглядывая стрелки, чтобы дать Кире полюбоваться.

— Золотые?! — ахнул Киря.—Где ты их взял? — подозрительно спросил он.

Андрей, поигрывая тонкой цепочкой, победоносно улыбался.

— Думаешь, украл? — ответил он насмешливо.—С оружием в руках добыл!

Он рассказал о том, как во время налёта партизан на кулака-предателя успел «подцепить это барахлишко».

Кирилл побледнел от злости.

— Ах ты гад! — сжимая кулаки, шагнул к нему Кирилл.—Ты за этим в отряд залез? Чтобы грабить и воровать?

— Ну чего ты взъелся? Хочешь, подарю? Я себе ещё найду...

Кирию обожгла такая ненависть, что он, не отдавая себе отчёта, выхватил наган и направил его на товарища.

— Ах ты,—трясаясь, словно от озноба, мед-

ленно произнёс Киря.—Беляки говорят, что партизаны разбойники! Мужики не верят. А ты хочешь, чтоб поверили?

Кирилл в бешенстве взвёл курок.

Андрей испугался.

— Нечайно я, Кирюха...—залепетал он жалобно,—подвернулись, ну и взял... Больше не буду! Вот те крест!

Перед Кирей стоял жалкий Андрюшка. Злость прошла, и Киря решительно потребовал:

— Давай честное партизанское!

— Партизанское...—откликнулся Андрей.

— Ну, что же, теперь держись. Кто слово нарушит—сам себе смерть назначает!—предупредил Киря. Потом подумал и добавил:

— Давай сюда часы.

— Зачем?

— Давай, чтобы они тебе рук не марали...

Кирилл взял часы, повесил на кустик и, отойдя на несколько шагов, выстрелил в них. Дождь мелких осколков ударил во все стороны.

— Прощай,—сказал Киря,—помни наш уговор. Ведь ты был мне первым другом.

Ночью Кирилла разбудили.

— Вставай, вставай!—тряс его за плечо часовая.

Кирия слышал голос часового, но проснуться не мог. Это был крепкий солдатский сон после трудной поездки.

Один из партизан, с улыбкой наблюдая за неумелыми действиями часового, подошёл к Кире и, нагнувшись над ним, оглушительно крикнул:

— Тревога! По коням!

Кирия, словно подброшенный невидимой пружиной, вскочил.

— Тревога? — спросил он.

— Нету тревоги, — ответил партизан, — командир тебя срочно требует.

В командирской избе горел тусклый каганец — плошка с маслом, в которой плавал тряпичный фитиль. Огонёк освещал лишь большие сильные руки командира, лежавшие на столе.

Кирилл остановился у двери и тихо произнёс:

— Явился, товарищ командир.

Из темноты прозвучал голос Громова:

— Вижу. Садись-ка к столу, партизан...

Кирилл выжидательно молчал.

— Ну, вот что, — сказал Громов, — придётся тебе снова в Камень отправляться. Нужно товарища выручать. Захватили его беяки, изувечили, в больнице у белых. Понял?

— Понял, — ответил Кирия, — один поеду?

— Один.

Кирия хотел ещё что-то спросить, но удержался...

Громов забарабанил пальцами по столу.

— Чего не спрашиваешь, где, как придётся действовать, сколько противника встретится?

Кирилл простодушно ответил:

— Это я раньше так — всё пытался, как девчонка... А теперь знаю, что положено — командир скажет, а чего не нужно — и знать не требуется...

Партизанская подвода тихо двигалась по дороге. Хорошо смазанная телега не скрипела, копыта лошади были обмотаны и ступали бесшумно.

Возле самого Камня свернули в маленький лесок.

— На-ка вот, — вдруг сказал партизан, провозжавший Кирию.

Наткнувшись в темноте на большую шершавую руку, Кирия ощутил пальцами холодную сталь.

— Ножик? — удивился Кирия. — Зачем? У меня же наган есть.

— Возьми. Сам сделал. Пригодится.

Кирия понял, что ему не просто дают нож, а дарят оружие...

— Спасибо...— растроганно вымолвил Кирилл.— Я этого никогда не забуду. Вы, дядя, увидите, что я не маленький. Всё разужнаю... Спасибо...

Как пробраться в больницу, как разыскать медицинскую сестру Трунгову, которая помогает партизанам?..

Солнце поднялось уже довольно высоко. На берегу реки пристроились рыбаки— дети и взрослые.

Кирия нашёл тонкий длинный прут, достал из кармана леску с крючком и тоже соорудил удочку.

Он забрасывал крючок, а взгляд его не отрывался от приземистого одноэтажного здания больницы. Он старался запомнить все мелочи, как велел Громов.

Вот распахнулось больничное окно. Кирия всмотрелся— окно третье с краю. Значит, так и надо доложить: третье с краю окошко открывается.

Кирия смотрит на калитку больницы. Из неё выходит солдат с винтовкой. Он что-то говорит часовому, тот уходит, а солдат остаётся:

«Смена»,— отмечает про себя Кирилл.

— Эй, раззява!— вдруг окликает его расположившийся по соседству рыбак.— Удочку утащит!

Кирилл спохватывается и быстро дёргает леску. Через секунду у ног его бьётся большой, фунта на три, кастрюк.

— Повезло! — завидует сосед.

— Повезло... — без всякой радости подтверждает Киря, думая, куда девать рыбину.

Время идёт медленно. Ушёл пароход в Новониколаевск. В больнице открылись ещё два окна. Снова сменился часовой. Опершись на винтовку, он как будто дремлет.

Киря решает подойти поближе к больнице. Он взбирается по обрыву, к которому, пожалуй, удобнее всего будет подойти партизанской лодке.

Часовой разговаривает с какой-то женщиной.

— И не проси, — говорит он, — гражданским сюда ходу нету.

— Дочка помирает, смилуйся, батюшка, я доктору заплачу и тебе самогоночки дам, — просит женщина.

Солдат колеблется, но отвечает уже мягче:

— Уехал доктор-то в Новониколаевск...

Женщина вздыхает и хочет уйти.

— Стой! — говорит солдат и вскидывает на неё винтовку. — Давай самогонку, а то в кутузку посажу.

Женщина испуганно отдаёт бутылку.

Солдат хохочет и тут же отпивает половину.

Крякнув, вытирает ладонью усы и произносит:
— Закусить бы!..

Услышав это, Киря тихо предлагает:

— Я кастрюка поймал. Не возьмёте, дяденька?

Солдат непонимающе смотрит на мальчишку:

— Продаёшь что ли? А где кастрюку?

Кирилл скатывается по обрыву к воде и возвращается с добычей.

— Годится,—говорит он,—закуска добрая! Надо на кухню отдать, чтоб сготовили...

Киря бросается к калитке, бормоча:

— Я отнесу, отдам...

— Стой! — ловит его за шиворот часовой.— Не положено! Я сам отдам, как сменюсь...

Киря понимает, что силой не прорваться, и садится на траву рядом с солдатом.

Некоторое время они разговаривают о кастрюке, о сибирских рыбах, которые в диковинку владимирскому мужику.

— Какой тут рыбы полно, такой в нашей Клязьме вовсе нет,—окая, говорит солдат.— Пошёл бы да поудил ещё,—предлагает он Кире.

Тот соглашается. Если принести побольше, авось смилостивится солдат, пропустит. Как-никак, а знакомство теперь завелось.

Кирилл отправляется, выбирает червей покрупнее, забрасывает удочку в разных местах.

Но клёв кончился, и, не считая мелочи, ничего путного уже «не берётся».

На сердце у Кирилла тревожно. Скоро вечер, а он ещё ничего не разведает, не узнал.

Вспомнив провожавшего его партизана, он лезет за пазуху и достаёт подарок. Отшлифованная полоска стали сверкает острозаточенными краями.

И вдруг Кириллу приходит мысль. Он быстро проводит остриём ножа по левой руке повыше запястья. За сталью остаётся красный след, края порезанной кожи расступаются...

Кирилл бежит к больнице, он не чувствует боли. Чутьё подсказывает ему, что на этот раз его не смогут не пропустить...

— Помогите, дяденька, порезался я...

Солдат оторопело таращил глаза на окровавленную руку, а Киря продолжал уговаривать:

— Для вас хотел постараться! Вот такую рыбищу захватил, а она вместе с леской замоталась! Полез в воду, а там стекло битое, что ли...

В это время из калитки вышел другой солдат. Он насмешливо уставился на Кирилла и спросил:

— С какого фронта прибыл? С кем воевал?

— С рыбами,— бойко ответил Киря,— пусти-те в больницу, чтоб хоть тряпицей завязали.

Солдаты поговорили между собой, и новый часовой сказал старому:

— Хоша, конечно, и нельзя, да у него вроде бы и в самом деле ранение. Доведи до Анисьи, пускай перевязку сделает. Офицеров-то уже нету, разошлись...

В больнице стоял запах лекарств.

Солдат постучал в застеклённую дверь и шагнул вместе с Кирей в перевязочную.

Молодая санитарка мыла пол. Солдат спросил её:

— Трунтова где?

— Сейчас придёт.

В это время открылась дверь, и в комнату вошла невысокая женщина с гладкозачёсанными волосами и добрыми глазами.

— Вот, Анисья, перевяжи-ка мальчика да я его быстро выведу, чтоб никто не видал...

Трунтова внимательно разглядела рану.

— Стеклом, говоришь, порезался? — она пристально поглядела Кире в глаза и, словно поняв всё, что с ним произошло, сказала солдату:

— Коли привёл, так уж не торопи. Рана-то большая, зашивать придётся. Иди, отдохай, сама его провожу...

Пока санитарка домывала пол, Киря молчал, даже не охая после йода.

Когда девушка вышла, Киря тихо произнёс:

— Громов вам кланяется...

Трунтова ответила вопросом:

— А тебя как звать?

— Кирей... А что?

Сестра продолжала молча бинтовать руку. Закончив перевязку, сказала:

— Передашь, что всё готово. Пусть плывут на рассвете. В крайнее окно, у обрыва, трижды стукнете. Понял?

— Понял,— ответил Киря.

— Фельдшер вам его подаст,— продолжала Трунтова.— Если на стук не откроют, сразу уезжайте. Вернётесь на другую ночь. А теперь иди.

Из больницы Киря направился в условное место за городом, где его должны были ждать партизаны...

Оружие! Это слово не сходило с уст командиров и рядовых бойцов-партизан.

Оружие!

Будь его в достатке, тысячи новых людей стали бы в строй.

Оружия было мало. Ещё меньше было боеприпасов.

— Ищите! — говорил Громов разведчикам.— Добывайте. Пора подходит — предстоят большие бои.

Громов говорил это тихим июльским вечером, отправляя Кирилла Баева и Проню Поставнева в Поперечное. Там, на квартире одного из подпольщиков, хранились гранаты и револьверные патроны. Они были оставлены прошлой осенью, когда отряд уходил в подполье,

Осторожно двигаются разведчики.

У села остановились, прислушались.

— Даже собаки не гавкают,—прошептал партизан.

Неожиданно тишину ночи прорезал визг поросёнка. Потом отчётливо донёсся сердитый голос старухи:

— Куда, нечистый дух, последнего поросёнка поволок?

— Беляки! — шепчет Киря.— А если они...

Киря прячет наган и гранаты за пазуху и почти мгновенно исчезает в темноте деревенской улицы.

Киря стоит в тёмных сенях и выпрашивает у подпольщика о колчаковцах.

— Человек до сорока должно,—отвечает он.— Ты отсюда в отряд? Заходи, поешь.

— Есть-то не хочу, а молочка бы выпил.

Они осторожно входят в избу. Киря быстро ест. Потом подпольщик провожает Кирю через огороды и там вручает ему тяжёлый мешок с патронами...

Брезжит слабый предутренний свет. Киря направляется к поскотине и без труда находит в табуне подходящую лошадку.

Усевшись верхом, Киря погнал коня мелкой рысцей. На душе спокойно. Приказ командира выполнен.

Киря смотрит во все стороны — ничего подозрительного.

Он пускает коня шагом — можно вздремнуть.

Сколько длится дремота? Может быть, час, а может быть, десять минут.

Вдруг, словно чья-то тёплая, ласковая рука касается лица. Он открывает глаза и тотчас крепко зажмуривается.

Солнце! Оно сверкает над зубчатой лесной кромкой горизонта. Киря оборачивается и видит длинную смешную тень всадника и лошади.

И вдруг светлое утро меркнет: «Мешок с патронами! Обронил?!»

Заметалась, задёргалась лошадь. Киря лупит её босыми пятками, скачет назад.

«Обронил! Обронил! — стучит в висках. — Что же теперь будет? Прогонят из отряда!..»

Конь спотыкается о что-то на узкой тропке. «Патроны!»

Киря скатывается с коня и бросается к меш-

ку. Холстина чуть намокла от росы. Он вынимает патроны — они сухие. Зря потащил их в мешке. Надо было рассовать по карманам. Сейчас он так и сделает.

Занявшись этим, Киря не чувствует, как из придорожной канавы кто-то наблюдает за ним. Это сын кулака Зотова — Семён.

«Ну, конечно же, это Кирька Баев!

Можно подползти сзади и двинуть по голове. И не будут колчаковские офицеры помыкать им, как теперь. Доложат в Барнаул и Омск: «Семён Зотов поймал громовского помощника. Да и отец перестанет называть бездельником...»

Семён уже готов тронуться с места, как вдруг Кирилл поднимается во весь рост, бросает в сторону какую-то тряпку.

Семёна охватывает страх. Он не может понять, отчего этот страх, и боязливо думает: «Ишь, вымахал, верзила. Ещё не сразу и свернёшь его». Страх подсказывает трусливые мысли: «А вдруг он не один?.. Тогда от них не уйдёшь».

В руках Кирилла что-то блеснуло. Семёна окатил холодный пот.

«Револьвер! Ну, конечно же, у него есть револьвер. Адьютант Громова!.. Вот бы сунулся сдуру».

Семён Зотов вбежал в дом, где жили колчаковские офицеры, и от порога, задыхаясь, начал сыпать словами.

— Скорей!.. Он тут близко!.. Кирька Баев! С револьвером... Награда положена, господин поручик!.. А то уйдёт!..

— По коням!

...А Киря так увлёкся ягодами, что позабыл про всё на свете. Он уплетал их за обе щеки.

«Топот?» — Кире чудится топот. Он быстро поднимается и замирает. По дороге прямо на него скачут десятка три верховых. «Каратели!»

Киря метнулся к лесу. Но было уже поздно: его заметили. Загремели частые выстрелы. Подстреленная лошадь уткнулась мордой в землю...

Кирилл подбежал к избушке, что на краю пшеничного поля. Уже совсем близко от неё. Острая боль пронзает ногу. Он падает.

С каждой секундой топот становится всё громче. Послышалась команда:

— Живьём его! Живьём!

Киря перевернулся на спину, сорвал с ремешка гранату и метнул в сторону карателей.

Столб земли и колосьев поднялся в воздух, и под его прикрытием Киря вполз в избушку.

...После взрыва наступила тишина.

Кирия привалился к стене.

Из раненой ноги текла кровь. Он торопливо оторвал от рубашки большой лоскут и замотал ногу. Потом достал патроны, вынул наган, всё время поглядывая в щель между пластами.

Каратели сбились в кучу. Они совещались. Потом один, худой как жердь, зашагал к избушке.

Кирия не мог сообразить, что тот собирается делать. Долговязая фигура обошла избушку, приблизилась вплотную к задней стене и вдруг исчезла. Тотчас же раздался шум на крыше. Кирия отполз в тёмный угол. Он понял нехитрый замысел врага. Голова колчаковца показалась в дымовом отверстии, и тотчас же Кирия выстрелил. Тело убитого, шурша по соломе, скатилось и плюхнулось на землю.

Колчаковцы пришли в движение. Они рассыпались цепью и двинулись на штурм избушки. Кирия лихорадочно окинул взглядом своё убежище и крепче сжал наган.

Каратели приближались. Они охватили избушку кольцом.

Стиснув зубы, Кирия выстрелил в ближнего. Тот упал. Кирия быстро отполз к середине стены и выстрелил в другого. И тот свалился.

Цепь дрогнула. Солдаты дали залп и откатились.

Офицер, размахивая револьвером, убеждал: — Живым взять надо... Это же их связной, он знает всё.

— Да он там не один — по всему видеть.

Офицер торопливо написал донесение начальнику гарнизона города Камня: «Напал на следы Кирилла Баева. В бою убито — пять, ранено — три. Немедленно пришлите подкрепление».

Потом офицеру пришла мысль попробовать уговорить этого мальчишку. Не рискуя приблизиться к избушке, он крикнул издалека:

— Эй, ты! Мальчик! Послушай, сдавайся! Ты ещё ребёнок, и большевики обманули тебя... Мы тебе всё простим. Даруем жизнь.

Офицер долго ждал, не откроется ли дверь. К нему осторожно подошёл Семён Зотов.

— Ваше благородие! — заговорил он. — На эту уду вы его не вытащите. Я так смекаю: обложить стан соломой и поджечь — он и выскочит...

Кирилл выглянул через щель. В кустарнике тихо и безлюдно. Не видно ни солдат, ни офицера.

«Неужели ушли? Или затевают что-то?»

Паренёк метнулся к другой стене и через щель увидел крестьянскую подводу, которую со всех сторон обступили колчаковцы. Около старенькой худой лошадёнки стоял крестьянин. Ему что-то втолковывал офицер.

Вот тогда понял Киря, что судьба его решена, спасения не будет. Он представил, как полыхнёт сухая солома, как дым и пламя ворвутся во все щели...

«Не живого возьмут, так очумелого, угоревшего в пожаре. А потом?.. По кусочку будут резать, чтобы заставить говорить!»

Киря схватил наган и выбил из барабана пустые гильзы. На колени упало шесть трубочек. Оставался всего один боевой патрон...

Он пошарил рукой по земляному полу. Выходит, что обороняться нечем...

Киря опустился на земляной пол. Развернул тряпку на раненой ноге, стал что-то писать кровью на белом лоскуте.

Потянуло дымом. Испуганно заржала лошадь, скрипнула отъезжающая телега.

Кирилл торопливо дописал последнюю букву, встал и ударом нагана распахнул дощатую дверь.

Полуденное солнце ослепило глаза.

Прямо перед ним, недалеко, стояли колчак-ковцы.

— Дайте сказать! — глухо крикнул Киря. — Сейчас вы меня возьмёте... Только слово скажу... Не вам... Родной земле! Не выдам её... А что знал, то при мне и осталось... Живым не сдамся!

Он быстро поднёс наган к виску. Раздался выстрел.

Когда офицер подбежал к избушке, сердце Кири уже не билось. Рядом на траве лежал белый лоскут, на котором кровью было написано: «Живым гадам не сдамся».

**СТРАНИЧКА
ДЛЯ
КРАСНЫХ
СЛЕДОПЫТОВ**

Имя юного героя гражданской войны Кири Баева навечно занесено в Книгу почёта Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

В селе Поперечном Алтайского края около школы, где похоронили Кирию партизаны, воздвигнут памятник юному герою.

В городе Камне одна из улиц названа: «Улица Кири Баева».

*Александра Ивановна Голенкова,
Давид Исаевич Иохимович*
К И Р Я Б А Е В

Художник В. Гальдяев

Редактор О. С. Лебедева
Художественный редактор Т. Г. Коптелова
Технический редактор Е. В. Соколова
Корректоры И. С. Пьяникова
и С. С. Бланкштейн

Сдано в набор 13/VI-68 г.
Подписано к печати 26/XI-68 г. Тираж 100 000
Бумага № 1 70 × 108/32. Печ. л. 1. УЧ.-изд. л. 1,06
Усл. печ. л. 1,37. Л55422. Изд. № 241.
Заказ № 7471.

По оригиналам издательства «МАЛЫШ»
Комитета по печати при Совете
Министров РСФСР

★

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, Ж-54, Валовая, 28

★

Московский комбинат игрушек Главного
управления промышленности по производству
игрушек Министерства легкой промышленности
РСФСР. Москва, А-130,
ул. Клары Цеткин, д. 28